

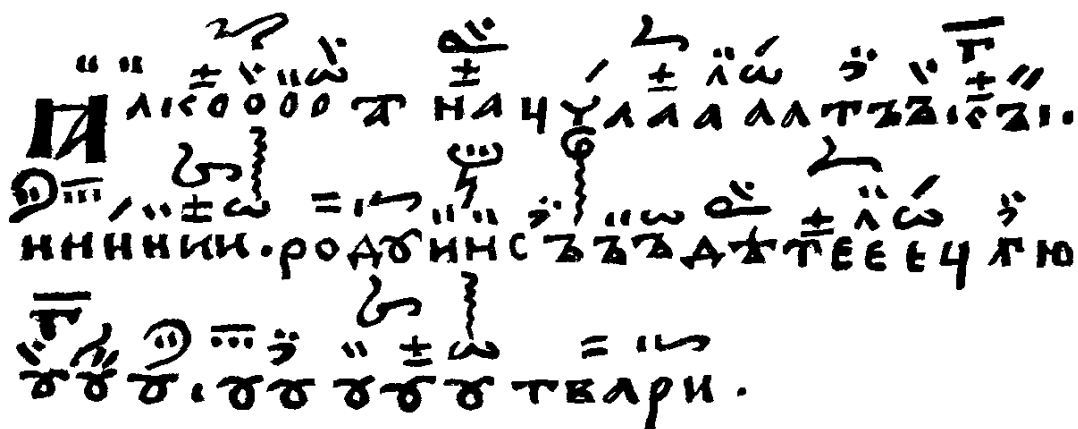
IV.

Греческій распѣвъ Православной Греко-Россійской церкви.

Греческій распѣвъ, какъ отдѣльная, самостоятельная, отрасль Богослужебнаго пѣнія Греко-Россійской церкви, имѣлъ въ Россіи двѣ эпохи: эпоху *первоначальную*, когда онъ совершался только по однимъ безлинейнымъ нотнымъ рукописямъ, и эпоху *позднѣйшую*, когда онъ сталъ извѣстенъ, почти исключительно только на нотахъ линейныхъ, подъ именемъ *Греческаго согласія*, или распѣва.

Первоначальная эпоха Греческаго распѣва въ Россіи обнимаетъ собою четыре первыхъ вѣка Русской церкви. Въ это время Греческій распѣвъ совершался по пергаменнымъ безлинейно-нотнымъ рукописнымъ кондакарямъ. Наименованіе кондакарей произошло отъ кондаковъ, которые занимали первую и большую половину кондакарей.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗНАКИ КОНДАКАРЕЙ XII ВѢКА.



Мелодія кондакарей явно подчинена церковному закону Богослужбнаго пѣнія, осмогласію. Надписаніе одного изъ церковныхъ гласовъ всегда полагалось надъ пѣснопѣніями кондакарей. Оно не составляло простую только принадлежность свящ. текста пѣснопѣній, а относилось собственно къ мелодіи, изображенной кондакарнымъ знаменемъ. Связь гласоизвѣстительной буквы съ кондакарною мелодіею выражается гласовыми *запѣвами*, помѣщавшимися въ кондакаряхъ на ряду съ надписаніемъ гласа. Внѣшняя, словесная форма сихъ запѣвовъ совершенно тождественна съ формою тѣхъ же запѣвовъ, употреблявшихся въ нотныхъ греческихъ рукописяхъ и многихъ, рукописныхъ и печатныхъ, руководствахъ къ изученію греческаго церковнаго пѣнія.

Приложеніе гласовъ къ церковнымъ пѣснопѣніямъ, помѣщеннымъ въ кондакарѣ, показываетъ, что составители кондакарной мелодіи знали музыкальное раздѣленіе гласовъ на высокіе и низкіе, и замѣняли первые послѣдними, оставаясь въ то же время вѣрными исполнителями церковнаго Устава. Въ кондакарѣ Нижегородскаго Благовѣщенскаго монастыря употребляется гласъ 2-й, вмѣсто сродномузыкальнаго ему 6-го гласа (1).

Гласовая кондакарная мелодія имѣла характеръ греческой церковной мелодіи, и не отличалась особеннымъ разнообразіемъ. Она состояла изъ частныхъ мелодій, извѣстнымъ образомъ связанныхъ между собою и часто повторяющихся. Каждый кондакъ, или лучше текстъ его, раздѣлялся на части, или строфы, подобно тому, какъ дѣлятся подобны всѣхъ осми гласовъ, и какъ дѣлятся неотныя стихиры въ Богослужбныхъ книгахъ, гдѣ текстъ ихъ означается *звѣздочками*, или *репьями*. Нѣкоторыя такія части имѣютъ надъ собою одинаковыя ноты, одинаковое послѣдованіе ихъ, и слѣдовательно одинаковую мелодію. Такимъ образомъ кондакарная мелодія — однообразна въ цѣломъ своемъ составѣ, и самое кондакарное пѣніе, подобно всякому церковному пѣнію, есть пѣніе *строфное*.

Пѣвцы первенствующей Русской церкви въ совершенствѣ умѣли читать кондакарное знамя. Плодомъ ихъ свѣдѣній служитъ нотное положеніе кондаковъ, составленныхъ въ Россіи и въ честь Русскихъ святыхъ; мелодія ихъ кондаковъ изображена кондакарными знаменами.

(1) Зап. Импер. Археол. Общ. Спб. 1857 г.т. 10 стр. 201.

Кондакарное пѣніе украшало Богослуженіе Русской церкви не болѣе трехъ столѣтій, съ исх. XI по начало XIV вѣка. Только къ этому періоду времени относятся существующіе нынѣ кондакари. Позднѣе XIV в. не написано ни одного кондакаря.

Причина упадка кондакарнаго пѣнія могла заключаться въ сложномъ нотописаніи мелодіи его, не легкомъ для первоначальнаго изученія и для самаго исполненія, а равно и въ небрежномъ письмѣ кондакарей, писанныхъ позднѣе XIII в. и въ другихъ историческихъ обстоятельствахъ. Уменьшеніе пастырей-грековъ въ Русской церкви, полная зависимость Россіи отъ татарскаго хана, страшная гибель лицъ и вещей отъ хищническихъ набѣговъ татаръ, междоусобія русскихъ князей, стѣснительныя обстоятельства Константинопольской церкви, прекращеніе стараго истиннорѣчія, всѣ эти обстоятельства совпадаютъ съ значительнымъ ослабленіемъ, или даже совершеннымъ забвеніемъ, кондакарнаго Богослужебнаго пѣнія въ Россіи.

Мелодія кондакарнаго пѣнія не была своевременно изложена другими нотами, извѣстными въ Россіи въ XIV вѣкѣ; по крайней мѣрѣ всѣ старанія открыть, хотя малѣйшіе, слѣды подобнаго изложенія до настоящаго времени остаются безуспѣшны. Теоретическія руководства къ изученію кондакарной мелодіи и знаменъ ея или вовсе не писались современными пѣвцами, или не дошли до насъ, даже въ малѣйшихъ отрывкахъ; ихъ нѣтъ не только въ Греціи, но даже смѣло можно сказать, во всей Европѣ. Самые памятники кондакарнаго пѣнія, или кондакари, существуютъ единственно въ Россіи; ни въ Греціи, ни въ Европѣ—ихъ нѣтъ. Въ самой Россіи нѣтъ никакихъ нотныхъ книгъ, похожихъ на кондакари своимъ составомъ. Такимъ образомъ прерваны всѣ пути къ изученію кондакарной мелодіи средствами археологическими.

Послѣ утраты кондакарнаго пѣнія до самой половины XVII вѣка, во всѣхъ нотныхъ памятникахъ Русской церкви, сохранившихся и дошедшихъ до насъ, не встрѣчается болѣе греческаго распѣва. Пѣніе текста священныхъ пѣснопѣній на греческомъ языкѣ во все это время продолжалось, по самому чиноположенію святительскаго служенія, но это пѣніе изображалось нотами знаменными, и имѣло характеръ церковныхъ гласовъ знаменнаго же распѣва. Такимъ образомъ два вѣка съ полови-

ною служатъ естественною гранью, отдѣляющею старогреческое, кондакарное пѣніе отъ пѣнія греческаго новаго и первоначальную эпоху греческаго распѣва отъ новой эпохи его.

Новая эпоха греческаго распѣва въ Россіи начинается съ того времени, когда Новгородскій архипастырь Никонъ, *превелие импья прилежаніе до пѣнія*, повелѣ въ соборномъ епархіальномъ храмѣ Св. Софіи *пѣти греческое и кіевское пѣніе*. Никонъ познакомился съ греческимъ распѣвомъ чрезъ Югозападныя православныя братства.

Еще въ исходѣ XVI вѣка Югозападныя братства, осужденныя на борьбу съ Уніею, употребляли всевозможныя средства стать, какъ можно, ближе къ церквамъ Славянской и Греческой. По крайней мѣрѣ относительно церковнаго пѣнія это—фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. Во всѣхъ училищахъ, учрежденныхъ при Югозападныхъ церковныхъ братствахъ, съ послѣдней четверти XVI вѣка началось преподаваніе греческаго языка и церковнаго пѣнія. Елассонскій митрополитъ Арсеній, по волѣ Константинопольскаго патріарха Іереміи (1588 г.), два года преподавалъ уроки въ Львовской братской школѣ. Грекъ Арсеній естественно не могъ преподавать ничего болѣе, кромѣ своего роднаго языка и своего отечественнаго пѣнія, въ которомъ ощущали нужду ученики и ихъ главные руководители, православные братчики. Для изученія греческаго распѣва въ первой половинѣ XVII вѣка не рѣдко также отправлялись дьячки изъ разныхъ городовъ Галицкой Руси въ сосѣдственныя славянскія области. Молдавскій господарь Александръ въ 1558 г. просилъ Львовскихъ братчиковъ прислать четырехъ молодыхъ дьячковъ для изученія *напѣвовъ греческаго* и сербскаго и присовокупилъ, что для той же цѣли уже присланы дьячки изъ Перемышля.

Львовское братство, какъ старшее по времени и цвѣтущее по успѣхамъ, служило для прочихъ братствъ совершеннѣйшимъ образцомъ. Въ Кіевскомъ братскомъ училищѣ также преподавалось знаніе греческаго языка и церковнаго пѣнія, а слѣдовательно и того греческаго распѣва, о распространеніи котораго столько заботилось Львовское братство.

Въ исходѣ первой половины XVII вѣка, православные братчики Югозападной Руси, тѣснимые Уніею, стали въ значительномъ числѣ приходить въ великую Россію и въ обителяхъ ея

искать себѣ тишины и спасенія. Они приносили съ собою нотнo-линейныя книги, нерѣдко говорили о греческомъ распѣвѣ и указывали на него русскимъ пѣвцамъ въ нотныхъ книгахъ. Употребленіемъ сего распѣва при Богослуженіи Никону представлялся случай восполнить значительный недостатокъ греческаго распѣва въ Великорусской церкви, и показать свое единомысліе съ Югозападными православными братствами.

Церковное и гражданское правительство Великой Россіи единодушно раздѣляло мысли Новгородскаго архипастыря. Въ 1649 году Царь Алексѣй Михайловичъ вызвалъ изъ Кіева нѣсколько лицъ въ Москву, и поручилъ имъ обучать Русской народъ *свободнымъ наукамъ*; въ то же время онъ, по совѣту и благословенію Патріарха Іосифа, отправилъ Арсенія Суханова въ Іерусалимъ для описанія св. мѣстъ, и того, *какъ Греки церковный чинъ и пѣніе содержатъ*.

Первыя нотнoлинейныя книги, содержащія въ себѣ греческій распѣвъ, относятся къ самой половинѣ XVII вѣка. Таковы два ирмолога, 1652 г., принадлежащія нынѣ бібліотекѣ Ставропигіальнаго Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря. Въ нихъ помѣщены пѣснопѣнія греческаго распѣва, частію съ переводнымъ, а весьма не рѣдко и съ подлиннымъ греческимъ текстомъ свящ. пѣснопѣній. Надъ каждымъ почти пѣснопѣніемъ греческаго распѣва помѣщенъ греческій гласовой запѣвъ.

Существованіе такихъ нотныхъ рукописей, отправленіе Суханова за рукописями греческими, не малое число греческихъ нотныхъ рукописей, привезенныхъ Сухановымъ въ Россію—все это несомнѣнно доказываетъ, сколько патріархъ Никонъ заботился о распространеніи и прочности греческаго распѣва въ Русской церкви. По удаленіи Никона отъ дѣлъ и занятій патріаршихъ, новоустроенная имъ обитель Воскресенская весьма часто оглашалась греческимъ распѣвомъ. Въ это время Никонъ „такой обычай имяше: по вся дни, по литургіи молебень пѣваше Пресвятѣй Богородицѣ *греческимъ согласіемъ*“. Исполнителями сего согласія были тѣ Южноруссы и Греки, въ которыхъ не имѣлъ недостатка монастырь Воскресенскій: ибо, по словамъ Шушерина, „у святѣйшаго патріарха въ Воскресенскомъ монастырѣ пребываху иноземцы, Греки и Поляки, Черкасы и

Бѣлорусцы и новокрещенные Нѣмцы и Жиды, въ монашескомъ чину и въ бѣлецкомъ“.

Старанія объ утвержденіи и распространеніи греческаго роспѣва, старанія настоятельныя, старанія собственно патріарха Никона не могли въ то время пройти незамѣченными. Шустеринъ замѣчаетъ между прочимъ о спорѣ, который происходилъ въ соборномъ храмѣ Воскресенскаго монастыря между Ярославскимъ Спаскимъ архимандритомъ Сергіемъ и многими другими: „той бо Сергій тогда прѣніе чинилъ со многими о новоисправленныхъ книгахъ и о греческомъ пѣніи.“

Греческій діаконъ Мелетій, вызванный въ Москву для обученія церковному пѣнію, а также Вселенскіе патріархи, Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, частію поученіями и наставленіями, частію примѣромъ собственныхъ пѣвцовъ — Діонисія архимандрита *съ товарищи*, много содѣйствовали къ утвержденію греческаго роспѣва въ церкви Русской. Преподавая святительское благословеніе на учрежденіе школы при церкви Іоанна Богослова, патріархи въ грамотѣ своей требовали между прочимъ, чтобы въ новоучреждаемой школѣ преподавалось греческое пѣніе (1). Здѣсь подъ выраженіемъ—*греческое пѣніе* надобно понимать не токмо греческій роспѣвъ, но и даже греческій текстъ къ нему. Такъ по крайней мѣрѣ должно заключать изъ слова, которое отъ лица греческихъ Патріарховъ было предложено народу въ день Рождества Христова, и въ которомъ они много хвалили свой греческій языкъ и свое греческое пѣніе. Въ семъ словѣ сказано (2): „странніи роди и противніи вѣрѣ Православной, на Западѣ обитающіе, греческій языкъ, яко свѣтильникъ держать. Арапове же не хиротонисають и одинаго, неискусна суца греческому языку. И тїи роди премнози за корень премудрости Эллинскій нашъ языкъ имѣють, и того ради: *Святый Боже, херувимскую пѣснь*, поють гречески, якоже Грузи, Сербы, Болгаре, Мултяне, Волоси“. Сущность ученія и наставленія патріарховъ о греческомъ пѣніи заключалась не въ томъ, чтобы Русскіе совершенно не употребляли славянскаго языка въ Богослужебномъ

(1) Приб. къ Тв. С. О. часть III, стр. 167.

(2) Ркп. М. Д. Академіи № 68. Вечеря душевная М. 1683 г. л. 150 в. и слѣд. приб. къ Т. С. О. ч. III, стр. 163.

пѣннїи, но въ томъ, чтобы по временамъ, въ знаменїе братскаго общенїя съ церковїю Греческою, употребляли греческїй распѣвъ и греческїй текстъ.

Во второй половинѣ XVII в. греческїй распѣвъ сдѣлался извѣстенъ въ довольно значительномъ числѣ видовъ, и неоднократно исполнялся при открытомъ, торжественномъ Богослуженїи, не въ одномъ какомъ либо московскомъ храмѣ, а во многихъ, не при одномъ какомъ либо священнослуженїи, а при различныхъ. Все народонаселенїе православной столицы православнаго царства могло слышать греческїй распѣвъ, во всемъ разнообразїи его гласовъ и видовъ. Въ пятую субботу Св. четырдесятницы 1668 г. пѣвчіе дѣяки патріарши, „по третьей и по шестой пѣсни канона, пѣли *Взбранной Воеводѣ* греческую меньшую, а послѣднюю самую пѣли на сходѣ обѣ станицы большую греческую“. Не рѣдко также на одномъ клиросѣ слышалось пѣнїе Грековъ по ихъ греческимъ безлинейнымъ нотнымъ книгамъ, а на другомъ — пѣнїе патріаршихъ дѣяковъ, по ихъ безлинейнымъ, или линейнымъ рукописямъ. Такъ напримѣръ, въ 1667 году, въ утреннее Богослуженїе пасхальнаго дня, „канонъ Пасцѣ пѣли по уставу на правомъ по гречески Дїонисїй архимандритъ, да Мелетїй съ товарищи, а на лѣвомъ — патріарховы пѣвчіе дѣяки и подѣяки, греческимъ же пѣнїемъ рѣчи русскїя“. Государевы и патріаршіе пѣвчіе дѣяки, совершая пѣнїе съ греческими пѣвцами во храмѣ, весьма легко могли записывать съ голоса греческихъ пѣвцовъ. Это заключенїе подтверждается и нотными безлинейными рукописями знаменнаго распѣва. Положенїе греческаго распѣва на безлинейныя знаменныя ноты объясняется частїю явнымъ уваженїемъ предковъ къ новоявившемуся греческому распѣву, частїю недостаткомъ этихъ пѣснопѣннїй въ нотной безлинейныхъ рукописяхъ, полученныхъ Великою Россїею отъ Юго-западныхъ братствъ. Такимъ образомъ, все собранїе пѣснопѣннїй греческаго распѣва, извѣстныхъ нынѣ Православной Греко-Россїйской церкви только на однихъ линейныхъ нотахъ, составилось именно во второй половинѣ XVII вѣка.

Греческїй распѣвъ подчинялся *осмогласїю*, основному закону всякаго Богослужбнаго пѣннїя Христіанской церкви. Этотъ распѣвъ заключалъ въ себѣ восемь гласовъ, совершенно различныхъ между собою, по своему техническому устройству.

Первый и пятый гласы греческаго роспѣва имѣютъ своею областію пентахордѣ, *до, ре, ми, фа, соль*. Въ первомъ гласѣ окончательнымъ звукомъ служитъ *до*, господствующимъ звукомъ—въ тропаряхъ и богородичнахъ на *Богъ Господь—ми*, а въ задостойникахъ—*фа*. Напротивъ, въ пятомъ гласѣ господствующимъ и вмѣстѣ окончательнымъ звукомъ служитъ звукъ *ре*.

Второй и шестой гласы греческаго роспѣва одинаково вращаются въ тетрахордѣ *до, ре, ми, фа*, гдѣ господствующимъ звукомъ служитъ *ми*, а окончательнымъ *до*. Тропарь и богородиченъ на *Богъ Господь* втораго гласа хотя оканчиваются на свой господствующій звукъ *ми*, но не какъ на основную тональность, а какъ на терцію отъ *до*. Второй и шестой гласы греческаго роспѣва, при многихъ общихъ свойствахъ, отличаются между собою тѣмъ, что во второмъ гласѣ порядокъ звуковъ—*ми, ре, до, фа*, а въ шестомъ—*ми, фа, ре, до*.

Греческаго роспѣва, гл. $\bar{\kappa}$. Богъ Господь.

Богъ Го сподъ и я ви ся намъ бла го сло
вен' гдѣи ко имъ гос подъ дне.

или въ положеніи на четыре голоса:

Богъ Гос подъ и я ви ся намъ бла го

The image shows a musical score for the text "сло вень гря дый во и мя го спо дне." The score consists of four staves. The top staff is a vocal line with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. The second and third staves are accompaniment lines, also with treble clefs and one sharp. The bottom staff is a bass line with a bass clef and one sharp. The music is in a simple, homophonic style, typical of a church hymn.

Третій и седьмой гласы греческаго роспѣва также имѣютъ одинъ общій пентахордъ *ля, си, до, ре, ми*. Въ третьемъ гласѣ господствующій звукъ *ми*, а окончательный — *до*; а въ седьмомъ звукъ *до* служитъ звукомъ окончательнымъ, и вмѣстѣ господствующимъ.

Четвертый гласъ греческаго роспѣва, по области и употребленію звуковъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ очень разнообразенъ. Онъ совершается въ области *до, ре, ми, фа, соль*, съ господствующимъ звукомъ *ми* и окончательнымъ *до*, какъ напр. въ тропарѣ и богородичнѣ на *Богъ Господь*. Отъ перваго гласа, имѣющаго то же свойство, четвертый гласъ греческаго роспѣва отличается порядкомъ звуковъ: въ первомъ гласѣ порядокъ звуковъ — *ми, фа, до, ре, соль*, а въ четвертомъ — *ми, ре, до, фа, соль*. Другая область четвертаго гласа греческаго роспѣва, *ре, ми, фа, соль, ля*, встрѣчается въ задостойникахъ, съ господствующимъ звукомъ *соль* и не совершеннымъ, въ музыкальномъ смыслѣ, окончаніемъ *ми*. Окончаніе *ми* признается несовершеннымъ окончаніемъ, не болѣе какъ терціею отъ основнаго окончанія — *до*, потому что мелодія, къ которой принадлежитъ звукъ *ми*, не закончена (1).

Восьмый гласъ греческаго роспѣва имѣетъ своею областію *до, ре, ми, фа, соль*, гдѣ *соль*, есть звукъ господствующій, а *до* окончательный. Въ *блаженнахъ* этотъ гласъ имѣетъ не со-

(1) Задостойникъ на Преображене, хотя 4-го гласа, но пропѣтъ въ гаммѣ 5-го гласа, съ приличнымъ ей господствующимъ и окончательнымъ звукомъ *ре*.

вершенное, въ музыкальномъ смыслѣ, окончаніе *до*, по причинѣ не допѣтой, отъ недостатка текста, мелодіи.

Изъ самаго устройства гласовъ греческаго распѣва видно, что а) названіе его заключаетъ подъ собою предметъ, имѣющій полное право на свою самобытность. Онъ отличается отъ всѣхъ принятыхъ въ Русской церкви родовъ пѣнія знаменнаго, славянскаго и собственно-русскаго (1). б) Гласы греческаго распѣва различаются между собою если не областію своею, то какимъ либо изъ трехъ главныхъ элементовъ области, то есть, *или* господствующимъ звукомъ, *или* звукомъ окончательнымъ, *или* количественнымъ содержаніемъ звуковъ главной области. в) Средномузикальность гласовъ греческаго распѣва основана преимущественно на сходствѣ области ихъ, а не рѣдко на сходствѣ господствующаго, или окончательнаго, или того и другаго звука вмѣстѣ.

(1) Пѣснопѣнія: «Воскресеніе Христова видѣвше» греческаго распѣва, Простр. Обих. л. 231. и Господи возвахъ 6-го гласа, кievскаго распѣва, не смотря на разницу надписаній, по напѣву совершенно сходны между собою. Что должно подозрѣвать здѣсь: то ли, что греческій распѣвъ, явившійся въ Россіи, служилъ основаніемъ для кievскаго распѣва, или неточность надписаній, положенныхъ надъ пѣснопѣніями въ печатныхъ нотныхъ книгахъ?
